

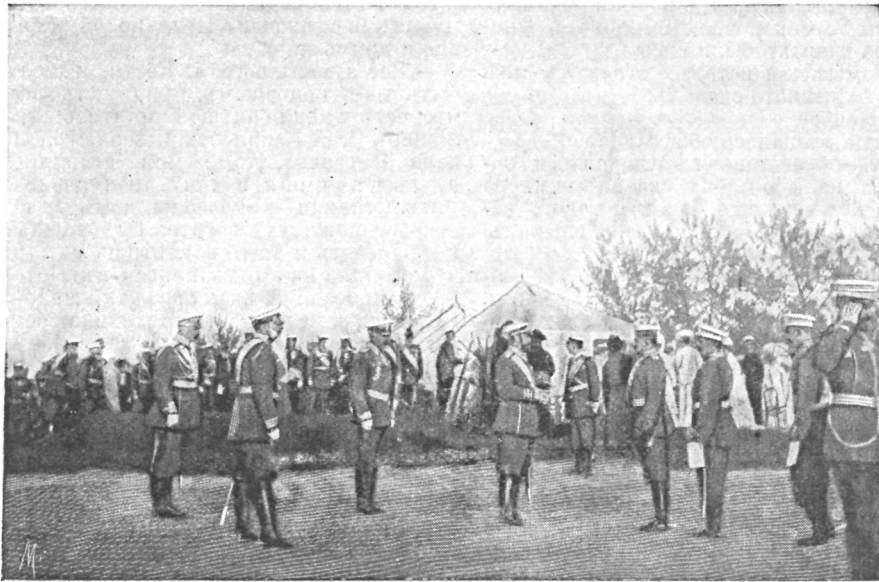
ОГО НЕЖЪ

Иллюстрированное Обзорѣніе
сщественной и политической жизни, наукъ и изящныхъ искусствъ
ПРИЛОЖЕНІЕ
къ „БИРЖЕВЫМЪ ВѢДОМОСТЯМЪ“

№ 30

Суббота, 9 (22) августа 1903 г.

№ 30

Высочайшій объѣздъ Красносельскаго лагеря, въ іюль 1903 года.

Его Величество изволилъ принимать адъютантовъ во время зари съ церемоніей.

Съ фотографіи ген. А. Насвѣтевича, автопія „Биржевыхъ Вѣдомостей“.

Тридцать лѣтъ на казенныхъ сценахъ.

Изъ воспоминаній артиста Императорскихъ театровъ
К. Н. Делазари, по сценѣ Г. Константинова.

Въ литературной обработкѣ А. Зарина.

V.

Только на четвертый день я отправился къ С. В. Шумскому. Онъ встрѣтилъ выговоромъ:

— Да вы, батенька, чудакъ какой-то! что это за манеры? Почему вы не вышли на вызовы и куда вы убѣжали? Ну, струсили сначала, но потомъ вы пѣли такъ хорошо, звучно, съ такой душой... И вдругъ... Минкусъ, Рубинштейнъ, да и я, мы рѣшили, что вы просто съума сошли. Жена страшно безпокоилась. Адреса мы не знаемъ, а, ей Богу, я хотѣлъ сегодня васъ разыскивать.

Я все ему рассказалъ. Сначала онъ смѣялся, но потомъ, когда узналъ, что я перечувствовалъ, онъ, и еще больше его жена показали мнѣ самое горячее участіе.

По всему было видно, что все-же мнѣ въ Москвѣ устроиться будетъ трудно, и я рѣшился ѣхать въ Петербургъ, гдѣ все-таки была у меня родня, и тамъ попытать свое счастье и удачу.

Черезъ недѣлю, какъ разъ къ 12 часамъ, когда пьетъ Шумскій кофе, я явился къ нему, чтобы проститься, и объяснилъ ему свои планы и надежды. Онъ выразилъ сожалѣніе и позвалъ въ кабинетъ свою жену. Я сказалъ и его женѣ, что сегодня ѣду въ Петербургъ, и съ искреннимъ чувствомъ поблагодарилъ ихъ за ласку, заботу и за хлѣбъ-соль.

— Никогда,—сказалъ я,— не забуду, Сергій Васильевичъ, васъ и вашу ко мнѣ доброту, буду безконечно счастливъ, если Богъ поможетъ мнѣ чѣмъ-нибудь показать вамъ мою привязанность и благодарность!

Поцѣловалъ у жены его руку, расцѣ-

ловался съ самимъ и, уходя, поклонился старику его отцу, который ласково улыбался, а у самого на глазахъ были слезы.

— Счастливаго пути!—услыхалъ я уже въ снѣгахъ голоса всей семьи.

Съ мечтами найти счастье въ Петербургѣ, грустный въ своемъ одиночествѣ, я простился съ Москвою, сѣлъ въ вагонъ 3-го класса и отправился въ Петербургъ.

VI.

На другой день, въ 2½ часа, я направился къ В. В. Самойлову. Онъ жилъ на Николаевской улицѣ, въ собственномъ барскомъ домѣ, парадная дверь котораго отворялась по звонку автоматически.

Я вошелъ въ заль-гостиную, отдѣланную съ большимъ вкусомъ, перешелъ въ кабинетъ, художественно и роскошно убранный, и вскрикнулъ не отъ восхищенія, а отъ испуга, потому что меня облапила громадная собака.

— А!.. Кого я вижу!—привѣтливо воскликнулъ хозяинъ, а рядомъ съ нимъ стоявшая красавица, громко засмѣявшись, отозвала собаку:

— Сбогаръ, tout-beau! Ici!

Я освободился отъ непрощенныхъ объятій собаки и перешелъ въ объятія хозяина.

В. В. тотчасъ представилъ меня красавицѣ М. А. Бибиковой (Споровой), которая, услыжавъ мою фамилию, радостно вскричала:

— Да вѣдь вы мой землякъ!

— Конечно, М. А., я хорошо знаю вашего папашу и вашихъ сестеръ,—отвѣтила я.

— Ахъ, Боже мой!—и она обратилась къ В. В.—Вѣдь мой отецъ очень друженъ и чуть-ли не товарищъ его отца.

Къ Саровскимъ торжествамъ. — Ихъ Императорскія Величества среди дворянъ Тамбовской губерніи.

Съ фотографіи ген. А. Насвѣтевича, автопія „Биржевыхъ Вѣдомостей“.

— Ну, очень радъ!—сказалъ Самойловъ и прибавилъ довольно важно:—ну, мы сейчасъ будемъ обѣдать, и я васъ не выпущу.

— Очень счастливъ, В. В.,—отвѣтилъ я и, увидя на софѣ двѣ гитары, невольно воскликнулъ:—что это? У васъ двѣ гитары? Кто же это играетъ?

— Она!—отвѣтилъ онъ, указывая на Спорову съ дѣланной небрежностью.

— Ну-ка!—живо сказала она, обращаясь ко мнѣ.—Сыграемъ, де-Лазари, что-нибудь В. В., покажемъ ему, что и мы таланты!

Ея голосъ, хотя болѣзненный, былъ такой нѣжный и гармоничный, что очаровалъ меня, и слѣдомъ за нею я съ наслажденіемъ сейчасъ же, подъ ея аккомпаниментъ, сыгралъ арію баритона изъ оперы „Эрнани“, что привело В. В. въ восторгъ, и онъ съѣлъ обѣдать въ самомъ прекрасномъ расположеніи духа и даже велѣлъ подать бутылку шампанскаго.

Дружба тца М. А. съ моимъ отцомъ, а главное гитара сдѣлали то, что въ домѣ В. В. я сталъ всегда желаннымъ гостемъ и, чтобы не разсердить его, обязанъ былъ хоть разъ въ недѣлю быть у него; въ одинъ изъ такихъ дней я, между прочимъ, познакомился съ его сестрой, тоже знаменитой бывшей актрисой В. В. Самойловой-Мичурниной.

Прошло два дня, и я отправился къ моему старому хорошему знакомому, виртуозу-гитаристу доктору В. С. Саренко. Въ тотъ же день, пообѣдавъ у него, я вмѣстѣ съ нимъ (онъ какъ-то угадалъ мою мечту) въ 7 часовъ вечера отправился къ знаменитому композитору А. С. Даргомыжскому.

Онъ жилъ тогда на Моховой улицѣ, въ домѣ № 30, въ нижнемъ этажѣ, окнами на улицу. Саренко и я вошли въ гостиную, гдѣ уже собралось небольшое общество.

— А! Кого Богъ послалъ, В. С.!—привѣтливо хриплымъ голосомъ пропичалъ небольшого роста, съ длинными растрепанными волосами, со сморщеннымъ лицомъ, худенькій А. С. Даргомыжскій, смотря на меня вопросительно.

— Здравствуйте, дорогой мой другъ, А. С.! Прошу прощенія, что безъ вашего разрѣшенія я привезъ къ вамъ моего знакомаго К. Н. де-Лазари, котораго агаю съ дѣтства. Онъ сегодня исполненіемъ вашего „Старога капрала“ тронулъ меня до слезъ. Прошу его любить и жаловать!—сказалъ мой пріятель, и лицо Даргомыжскаго тотчасъ разгладилось.

— Очень радъ!—отвѣтилъ онъ, протянувъ любезно мнѣ руку, и тотчасъ же представилъ меня своимъ гостямъ: свиты генераль-майору К. Н. Вельяминову, который пѣлъ баритономъ, отставному адмиралу В. П. Опочинину, будущему артисту Императорскихъ московскихъ театровъ и моему будущему пріятелю и сослуживцу, чудному басу С. В. Демидову, знаменитому тогда тенору с.-петербургскихъ Императорскихъ театровъ Ѳ. К. Никольскому, пріятелю своему Ангельгардту, любителю-музыканту, композитору многихъ русскихъ романсовъ В. Т. Соколову, тремъ ученицамъ, изъ которыхъ помню лишь одну, м-лле Миллеръ, впоследствии жену вышеупомянутаго Ангельгардта, своему очень старому на мѣстѣ ни минуты не сидѣвшему отцу, и въ тотъ же вечеръ инспектору только что созданной консерваторіи Г. Демидову и очаровательной его женѣ Лидіи Александровнѣ, которая очень мило пѣла, обладая симпатичнымъ голосомъ.

Вечеръ проходилъ за музыкой и пѣніемъ.

Аккомпанировалъ всѣмъ на роялѣ В. Т. Соколовъ.

Три ученицы Даргомыжскаго, пѣвшія соло и дуэты его композиціи, отличались прекраснымъ исполненіемъ, владея хорошо своими симпатичными голосами.

Пѣли Опочининъ и Вельяминовъ, очень хорошо фразировавъ.

Спѣлъ знаменитый Никольскій, такъ же и Демидовъ, и оба поразили своими феноменальными голосами, и, наконецъ, обратились ко мнѣ.

— Ну-ка, посмотримъ, правду-ли сказалъ В. С.,—сказалъ шутиливо, садясь за рояль, Даргомыжскій.

Я струсилъ. Но это скорѣе способствовало моему успѣху въ „Старомъ капралѣ“. Чувство страха, естественное волненіе новичка въ кругу такихъ избранныхъ людей въ исполненіи „Старога капрала“ давали мнѣ болѣе возможности выказать мою фразировку.

И я спѣлъ, какъ не пѣлъ никогда. Наступила лестная для меня мертвая тишина. У Соколова, Демидова и ученицъ на глазахъ были слезы.

Даргомыжскій всталъ, стиснулъ мнѣ руку и отрывисто сказалъ:

— Спасибо!

И тогда раздалось общее „браво!“
— Ну,—обращаясь къ Саренко и потрещавъ меня по плечу, сказалъ немного погодя А. С.—знаете, В. С., я такого задушевнаго пѣвца никогда не слыхалъ! Ай-да, молодчина!

— Такъ, значить, я былъ правъ!—обращаясь къ Даргомыжскому, отвѣтилъ Саренко.—А потому я въ знакъ благодарности поцѣловалъ моего питомца!—И онъ крѣпко меня поцѣловалъ.

Послѣ этого съ мѣста вскочилъ богатый Демидовъ, который, какъ и всѣ, видѣлъ меня въ первый разъ, и, гаркнувъ мнѣ:

— Ахъ, чортъ тебя дерн, какъ хорошо!—обнялъ меня и такъ сильно стиснулъ, что я невольно закричалъ:

— Ай-ай-ай!

А. С. тоненькимъ голоскомъ сталъ кричать на Демидова.

— Ей, Степа, медвѣдь! Брось! Брось! Что ты его ломаешь?

Тотъ меня вынулъ при общемъ смѣхѣ и я упалъ въ кресло.

Похвала всѣхъ, въ особенности А. С. Даргомыжскаго, привела меня въ такое восторженное настреніе, что я такъ ихъ началъ всѣхъ смѣшивать своими рассказами и копировкой, что, расходясь обыкновенно въ часъ, въ этотъ день всѣ разошлись въ 4 часа утра.

Съ этого дня я сдѣлался желаннымъ гостемъ хозяина и никогда не пропускалъ его „понедѣльниковъ“ и „четверговъ“.

Я съ такимъ увлеченіемъ рассказывалъ всѣмъ оъ этихъ интересныхъ вечерахъ, что соблазнилъ стариннаго его пріятеля В. В. Самойлова, никогда у него не бывавшаго, въ эту зиму со мной вмѣстѣ разъ пять пріѣхать къ нему.

У Даргомыжскаго познакомился я съ зятемъ его Н. А. Степановымъ, редакторомъ „Искры“, и его женой, сестрой Даргомыжскаго С. С., и раза два въ мѣсяцъ бывалъ у нихъ на обѣдѣ или вечеромъ.

VII.

Къ октябрю мѣсяцу я имѣлъ уже массу знакомыхъ среди богатыхъ и вліятельныхъ людей, какъ-то: графиню Е. И. Куселеву-Безбородко, которой давалъ уроки игры на гитарѣ, генеральшу А. И. Дубельтъ, генераль-адъютанта Дмитрія Васильевича Путята, миллионера Базилевскаго, и у всѣхъ встрѣчалъ радушный пріемъ. Мои способности какъ имитатора, пѣвца и гитариста доставили мнѣ въ этихъ домахъ широкую извѣстность, и на время, благодаря мнѣ, въ высшемъ обществѣ благодородная гитара получила права гражданства и многіе стали учиться играть на ней.

Я считалъ положеніе дѣлъ моихъ блестящимъ, потому что въ протекціи, если бы она понадобилась, у меня недостатка не было.

Между прочимъ, самымъ полезнымъ и

вліятельнымъ и пріятнѣйшимъ для меня знакомствомъ съ миллионерами Базилевскими я былъ обязанъ своему дядѣ.

Дядя мой, сенаторъ Н. А. Ахвердовъ, жилъ тогда у Николаевского моста, на углу Галерной улицы, противъ дворца Великаго Князя Николая Николаевича, въ домѣ Вонлярлярскаго, въ бель-этажѣ. Почтеннѣйшій человекъ, пользующійся почетомъ и полнымъ уваженіемъ всѣхъ его знающихъ въ кругу высшаго петербургскаго общества, богатыхъ и знатныхъ людей, онъ самъ имѣлъ скудные средства къ жизни, едва сводя концы съ концами, и часто скорѣлъ, что не въ силахъ оказать мнѣ матеріальной помощи. Но я и не просилъ ея.

И вотъ, однажды, когда я зашелъ къ нему, онъ расцѣловалъ меня по обыкновенію и прямо началъ:

— Все думалъ о тебѣ, Костя, и желая быть тебѣ полезнымъ, придумалъ вотъ что: есть у меня большой пріятель, миллионеръ И. Ѳ. Базилевскій; жена его, Варвара Петровна, тоже мой старинный другъ. Съ ними я и хочу тебя познакомиться. Старики—хлѣбосолы, домъ у нихъ открытый, живутъ богато. Ты будешь у нихъ бывать и тамъ встрѣтишь ихъ дочерей. Одна изъ нихъ, первая въ Петербургѣ красавица, вдова графа Куселева-Безбородко, Елисавета Ивановна, богатѣйшая женщина, живетъ въ своемъ марморномъ дворцѣ, а другая,—старшая, тоже красавица, но главное—добра какъ ангель,—жена свитскаго генерала А. И. Дубельтъ. Онъ обѣ въ Петербургѣ пользуются огромнымъ вліяніемъ. У нихъ бываетъ все, что только есть знатнаго и богатаго въ Петербургѣ. Ты хорошо поешь, играешь на гитарѣ, рассказываешь. Вотъ постарайся имъ понравиться, и онъ во всемъ тебѣ поможетъ. Каждый четвергъ А. И. Дубельтъ обѣдаетъ у родителей въ 5 часовъ, а ты съ моей визитной карточкой отправляйся къ нимъ въ 4 часа. Тебѣ примуть, оставятъ обѣдать, и ты сразу будешь представленъ А. И. Дубельтъ. У нихъ есть три сына—все прекрасные люди: старшій—Ѳедоръ, потомъ Викторъ и Николай. Ѳедоръ и Николай—здѣсь въ Петербургѣ, а Викторъ—въ Сибири, занимается на золотыхъ приискахъ и помогаетъ отцу. Всѣхъ ихъ я подготовилъ къ твоему пріему. Всѣ они люди очень хорошіе, а тамъ ужъ дальше твое дѣло. Постарайся понравиться имъ, и я увѣренъ, что тебѣ будетъ хорошо!

Я обнялъ дядю, расцѣловалъ его за такое вниманіе ко мнѣ и въ первый четвергъ отправился къ Базилевскимъ, которые жили въ собственномъ огромномъ барскомъ домѣ, по Захарьевской улицѣ, д. № 10.

VIII.

Ровно въ 4 часа я подошелъ къ подъѣзду ихъ дома. Большая стеклянная дверь, едва я къ нимъ подошелъ, отворилась, какъ будто сами, швейцаромъ, невзрачнымъ на видъ и нахмуреннымъ. Осмотрѣвъ меня важно съ ногъ до головы, онъ спросилъ меня грубымъ и полупрезрительнымъ тономъ:

— Вамъ кого угодно?

Я спросилъ въ свою очередь:

— Ея превосходительство Варвара Петровна Базилевская дома?

— Дома-то, дома,—отвѣтилъ онъ холодно и съ презрѣніемъ,—но онъ не принимаютъ незнакомыхъ.

— Я племянникъ сенатора, генерала Ахвердова. Вотъ его и моя карточки. Доложите сейчасъ!—сказалъ я рѣзко и противная рожа швейцара моментально приняла угодливый видъ, и онъ громко крикнулъ на лѣстницу человекъ.

— Аванасій!.. Возьми карточки, доложи генеральшѣ: племянникъ генерала Ахвердова!

Сверху спустился человекъ во фракѣ, унесъ наверхъ мои карточки, и черезъ

минуту съ площадки уже раздался его голосъ:

— Просятъ!

Лѣниво, но уже вѣжливо, снявъ съ меня пальто и указавъ на лѣстницу, швейцаръ произнесъ:

— Пожалуйте!— и я пошелъ по широкой лѣстницѣ, устланной мягкимъ бархатнымъ ковромъ.

Пройдя вестибюль, декорированный большимъ зеркаломъ, экзотическими растениями, сверклыми вазами, полными цвѣтовъ, я вошелъ въ большую роскошную гостиную, гдѣ на видномъ мѣстѣ стоялъ рояль Плейеля. Въ гостиной не оказалось никого.

Изъ другой комнаты послышался голосъ и со словами: „очень рада!“ ко мнѣ вышла высокаго роста, красивая, пожилая дама.

— Очень рада съ вами познакомиться, я такъ давно знаю и люблю вашего дядюшку Николая Александровича!

Я откланялся и не успѣлъ еще ничего отвѣтить, какъ въ гостиную вошелъ старшій сынъ, высокаго роста, съ умнымъ выразительнымъ лицомъ, безъ усовъ и бороды, брюнетъ, съ густыми и длинными волосами, Федоръ Ивановичъ Базилевскій.

— Вотъ, Федя, рекомендую тебѣ племянника нашего друга Н. А. Ахвердова, — ш-г де-Лазари!

— Очень радъ познакомиться, — сказалъ Федоръ Ивановичъ, протягивая мнѣ руку.

Въ это время его мать ушла, и онъ продолжалъ:

— Мы все очень любимъ вашего дядю; онъ большой пріятель моего отца и добрый, хороший человекъ.

Вошелъ другой сынъ Базилевскаго и Федоръ Ивановичъ ему сказалъ:

— Коля! Вотъ племянникъ Н. А. Ахвердова, о которомъ онъ намъ говорилъ, ш-г де-Лазари, а это—мой братъ Николай,—сказалъ онъ, обращаясь ко мнѣ.

— Ахъ, вѣдь вы поете, какъ говорилъ намъ вашъ дядя. Вотъ и отлично! Мы все очень любимъ музыку.

Онъ сѣлъ за рояль и, начавъ играть ритурнель въ то время моднаго романса „Ея ужъ нѣтъ“, спросилъ:

— Поете этотъ романсъ?

— П ю!—отвѣтилъ я.

Онъ заигралъ. Я началъ пѣть. Вышла мать, и только что я залился „Ея ужъ нѣтъ“ и беру низкія ноты передъ концомъ, какъ раздался звонкій, серебряный, на рѣдкость симпатичный голосъ:

— Великолѣбно! Просто чудо!

И съ этимъ возгласомъ въ гостиную вошла очаровательная женщина, и мнѣ показалось, что въ комнатѣ словно появилось солнце. Это оказалась Александра Ивановна Дубельтъ. Мать и братья встрѣтили ее радостными возгласами и тотчасъ представили ей меня.

Она протянула мнѣ руку и сказала:

— Пожалуйста, виновата, ради Бога, продолжайте.

Слѣдомъ за нею стали появляться другъ за другомъ разные гости.

Появилось много людей во фракахъ, изъ которыхъ всякій былъ доволенъ, чтобы только поклониться ей и она его бы замѣтила.

Вмѣстѣ съ нею вошли двѣ извѣстныя тогда въ свѣтѣ, какъ красавицы, Ободовская и Гусаковская, но я никого не видалъ, кромѣ А. И., которая, казалось, и на вѣхъ производила такое же впечатлѣніе радости и счастья.

Высокая, стройная, какъ пальма, тоненькая, какъ бы воздушная, гибкая, граціозная, съ чудными длинными каштановыми волосами, съ густыми бровями надъ глазами, голубовато-синими, съ длинными рѣсницами, въ которыхъ свѣтились и непомѣрная доброта, и веселость, и хитрость, и насмѣшка, и нѣга, и при этомъ голосъ и смѣхъ, на которые,

по выраженію Лермонтова, отвѣтишь не кончивъ молитвы, и на призывъ которыхъ оставишь битву.

Она повторила просьбу, чтобы я спѣлъ, и я исполнилъ ея просьбу. Выслушавъ пѣніе, она столько наговорила мнѣ любезнаго, что я почувствовалъ себя счастливымъ, веселымъ, довольнымъ и положительно забылъ, есть-ли у меня когда-нибудь и въ чемъ-нибудь нужда. Уходя послѣ роскошнаго обѣда изъ этого гостеприимнаго дома, я думалъ только объ одномъ: „поскорѣй бы четвергъ и понедельникъ, чтобы идти обѣдать къ Базилевскимъ, видѣть эту красавицу, слышать этотъ за душу хватающій голосъ и чарующій, веселящій смѣхъ!“

Я сталъ два раза въ недѣлю бывать у нихъ и видѣлъ все, что только тогда было въ Петербургѣ могучаго, сильнаго, богатаго и знатнаго. И со всеми этими знатыми и важными людьми я,—бѣдный человекъ, желающій найти себѣ трудъ и хлѣбъ,—былъ принятъ наравнѣ, мило, тепло и любезно.

Меня искренно полюбили братья, я скоро сошелся съ ними, и старшій изъ нихъ Ф. И. Базилевскій оказывалъ мнѣ постоянно, до самой своей смерти, самое дружеское вниманіе.

Я буквально считалъ себя счастливымъ, благодаря этому знакомству, но все же для полнаго счастья, а главное обезпеченія, у меня еще не было мѣста на казенной службѣ, искать которое я собственно и пріѣхалъ въ Петербургъ.

Веселый, беззаботный, бывая всюду на совершенно равной съ другими ногѣ, я во все вематривался и пришелъ къ заключенію, что главное—нужно показывать тому, въ комъ тебѣ нужда, что ты въ немъ не нуждаешься, и если сдѣлаешь это умно, хитро и незамѣтно, то успѣхъ будетъ полный, а малѣйшій форсъ, утрировка и всему конецъ, считай, что ставку проигралъ. Мечтая о мѣстѣ, я все время ждалъ случая какъ бы гдѣ-нибудь встрѣтить всеильнаго тогда въ театральномъ мѣрѣ П. С. Федорова, и наконецъ, встрѣтилъ его у В. В. Самойлова, познакомился съ нимъ, былъ съ нимъ любезенъ, но не показалъ и вида, что онъ для меня теперь самое нужное лицо, самое полезное знакомство.

Николай Ивановичъ, очень видный, красивый мужчина, на видъ гордый, относился ко мнѣ удивительно просто, добро и сердечно и очень любилъ, когда я ему рассказывалъ про какую-нибудь комбинацію, чтобы выйти изъ затруднительнаго положенія, въ какомъ бы видѣ оно ни было. Съ нимъ и его супругой я былъ во всемъ откровененъ и давно уже говорилъ, что мнѣ необходимо познакомиться съ П. С. Федоровымъ, попасть къ нему въ домъ и оттуда уже въ театръ.

— Я васъ познакомлю съ Федоровымъ и увѣренъ, что къ нему, какъ и къ намъ, вы влѣзаете въ душу,—говорилъ онъ, смѣясь,—но предупреждаю васъ, если вы будете манкировать моими восресеньями и обѣдами, то я васъ никогда съ нимъ не познакомлю.

Въ среднихъ числахъ октября 1864 года на сценѣ Маринскаго театра въ оперѣ „Жизнь за Царя“ дебютировалъ въ роли Сусанина басъ С. В. Демидовъ, съ которымъ я познакомился у А. С. Даргомыжскаго.

Несмотря на то, что на сценѣ онъ былъ, какъ и въ жизни, неуклюжий, неповоротливый, но его феноменальный голосъ не могъ пройти незамѣченнымъ, и онъ произвелъ хорошее впечатлѣніе.

(Продолженіе будетъ).

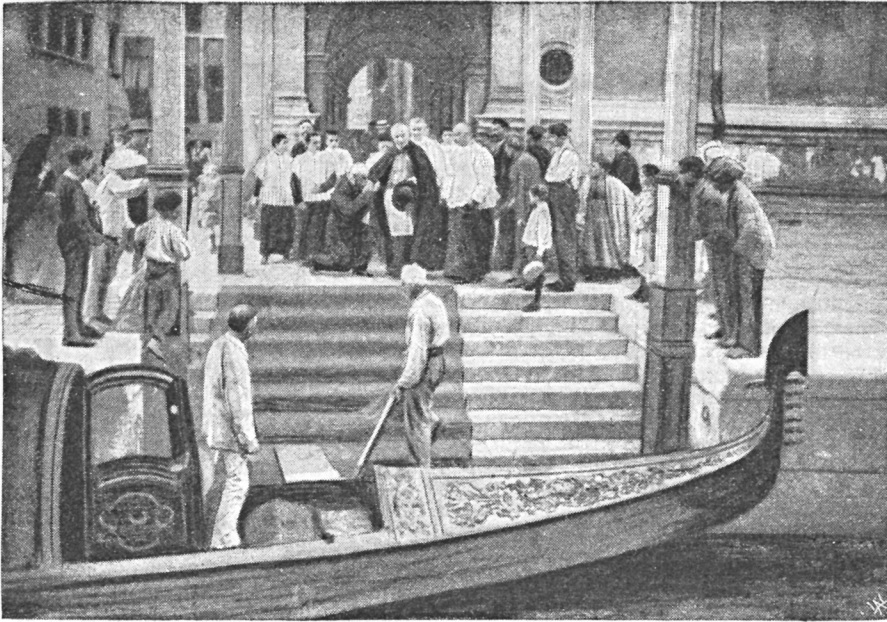
Хроника парижской жизни.

Исторія „Императора Сахары“.—Сумасбродства миллионера.—Два памятника: Ренану и Тэну.—Публицистическія увлеченія бывшего министра.—Книга Ганото о „Латинскомъ союзѣ“.—Защитникъ негровъ: чернокожій поэтъ и публицистъ.—Новые танцы: „русская“ съ „присяжкой“ или безъ оной.

Въ Парижѣ вызываетъ большую сенсацію исторія извѣстнаго парижскаго миллионера-жура — Жака Лебоди, который отправился основать въ Африкѣ особую „Сахарскую имперію“. Исторія была бы забавна, если бы она уже не дала грустный результатъ — пропажу безъ вѣсти пяти французскихъ матросовъ. Жакъ Лебоди, соскучившись проводить ночи въ клубахъ за игрой и въ ресторанахъ за кутежами, рѣшилъ удивить своихъ бульварныхъ друзей совершенно эксцентричнымъ предпріятіемъ: снарядить экспедицію по берегамъ Марокко и отмежевать себѣ во владѣніяхъ султана собственное государство. Идея была совершенно сумасбродная, но и осуществлять ее миллионеръ-самодуръ принялся самымъ ребяческимъ способомъ. Онъ забралъ съ собой изъ Гавра двадцать матросовъ и съ ними отправился въ путь на увеселительной яхтѣ. Впрочемъ, это показалось въ порядкѣ вещей бульвардѣ, которые припомнили прецеденты основанія опереточныхъ государствъ конквистадорами съ большими бульваровъ: королевства Ауруканинъ въ Папагоии, республики Кунани между французской Гвинеей и Бразиліей, княжества Тринидадскаго на островѣ, собственность котораго Англія оспариваетъ у Бразиліи.

Черезъ мѣсяцъ послѣ отплытія Жака Лебоди на собственной яхтѣ парижскіе друзья его получили изъ Ласъ-Пальмаса (съ Канарскихъ острововъ) письма, на которыхъ, рядомъ съ испанскими почтовыми марками, красовалась фантастическаго образца марка съ надписью: „имперія Сахары“, а также печатный штемпель, гласившій: „Императорская безплатная почта изъ столицы Сахары—Троги въ Ласъ-Пальмасъ“. Жакъ Лебоди на бланкахъ, украшенныхъ короной и надписью императоръ Сахары, убѣждалъ своихъ друзей, что предпріятіе его въ полномъ ходу и что онъ вскорѣ надѣется прислать имъ ордена и дворянскія грамоты. Но въ то же время прибыли пакеты съ подобными же марками и надписями въ управленія морскихъ округовъ, съ извѣщеніемъ о безвѣстной пропажѣ пятирехъ матросовъ, семьямъ которыхъ Жакъ Лебоди предлагалъ небольшое вспомошествованіе, обѣщая также сдѣлать все возможное для розысканія пропавшихъ. А изъ частныхъ писемъ уцѣлѣвшихъ матросовъ Лебоди выяснилась трагическая исторія экспедиціи.

Лебоди намѣтилъ пустынный берегъ Марокко, напротивъ Канарскихъ острововъ, отъ мыса Губи до рѣки Оро, которая составляетъ границу испанской колоніи на континентѣ. Онъ полагалъ основать городъ, который впередъ назвалъ Трогой и возвелъ въ рангъ императорской резиденціи. Изъ своей столицы, которую онъ хотѣлъ снабдить хорошимъ портомъ, Лебоди надѣялся войти въ сношенія съ обитателями пустыни, привлечь къ себѣ караваны и постепенно распространить свое влияние и свою власть въ глубь страны. Но для начала онъ, кромѣ двадцати матросовъ, вывезенныхъ обманомъ изъ Франціи,—они дѣйствительно не знали, что ихъ собираются превратить въ конквистадоровъ,—заключилъ контрактъ только еще двадцать испанцевъ и поставилъ надъ ними бывшаго сержанта итальянской службы съ порученіемъ сформировать изъ нихъ военный отрядъ. Оставивъ своихъ будущихъ воиновъ въ Ласъ-Пальмасѣ, онъ отправился на яхтѣ къ мысу Губи и здѣсь вы-

Проводы патриарха Джузеппе Сарто при отъезде его из Венеции в Римъ, гдѣ онъ избранъ папой.

Со снимка нашего корреспондента, агитатора „Биржевыхъ Вѣдомостей“.

садили пять французскихъ матросовъ. Онъ далъ имъ двѣ палатки, немного провизіи и обратился къ нимъ съ рѣчью, въ которой объявилъ, что здѣсь будетъ сооруженъ городъ Трога и что для начала здѣсь будетъ первый „постъ“ его будущей арміи. Матросы были поражены и смущены, но Лебоди ихъ успокоилъ обѣщавіемъ вскорѣ вернуться и смѣнить ихъ своими испанскими солдатами. Съ остальными матросами онъ отправился на тридцать миль ниже, чтобы учредить тамъ второй постъ. Но когда, проживъ съ ними тамъ два дня, Лебоди пожалалъ и здѣсь оставить также сторожевой постъ, вся команда возмущалась и рѣшила вернуться на первый постъ, забравъ товарищей, отправиться обратно въ Лась-Пальмасъ и пожаловаться французскому консулу. Прибывъ на первый постъ, матросы товарищей уже не нашли: тутъ прослѣдовалъ тѣмъ временемъ многочисленный караванъ арабскихъ торговцевъ и увелъ въ плѣвъ отрядъ Лебоди. Заявивъ въ Лась-Пальмасъ о случившемся консулу, матросы добились чрезъ него возможности вернуться на родину на счетъ Лебоди. Консулъ о пропавшихъ увѣдомилъ французскаго посланника въ Танжерѣ, но всѣ поиски не дали пока никакого результата. „Императоръ Сахары“ нисколько, однако, не горюетъ о пропавшихъ своихъ соратникахъ и продолжаетъ дѣлать въ Лась-Пальмасъ приготовления къ отвоеванію у султана Марокко части его владѣній при помощи отряда въ двадцать человекъ всякаго сброда. Оттуда дѣйствительно телеграфируютъ, что онъ собирается сдѣлать новую высадку на континентѣ.

Въ публикѣ требуютъ какихъ либо мѣръ противъ миллионера-эксцентрика, сумасброда котораго уже стоить, можетъ быть, пяти человѣческихъ жизней, но морское министерство, а также министерство иностранныхъ дѣлъ, объявляютъ себя совершенно безсильными: Лебоди оперируетъ за-границей:—дѣло Испаніи и Марокко помѣшать его затѣй, и только велѣвъ за ними французское правительство могло бы выступить въ свою очередь. Пока же семьи пропавшихъ матросовъ могутъ предъявить искъ къ Лебоди, какъ къ хозяину яхты, на которой они служили. Лебоди въ состояніи будетъ уплатить самое щедрое вознагражденіе же тѣмъ его разыгравшейся фантазіи.

* * *

Трегье—родной городъ Ренана. Длянабожныхъ бретонцевъ Ренанъ былъ вѣроотступникъ, бывший аббатъ, отказавшійся отъ священническаго ряса, чтобы свободно писать еретическія сочиненія. Трегье стыдился быть родиной Ренана. Но часть населенія взяла верхъ на послѣднихъ муниципальных выборахъ и, чтобы подчеркнуть на всю Францію свою побѣду, новой муниципалитетъ рѣшилъ соорудить памятникъ Ренану. Постановка такого памятника въ Бретани, въ виду народнымъ массамъ, которыя еще въ прошломъ году пытались устроить формальное возстаніе при закрытіи конгрегационныхъ школъ, представилась правительству очень полезнымъ политическимъ предпріятіемъ; поэтому оно оказало согражданамъ Ренана такое большое содѣйствіе, что памятникъ уже готовъ и теперь ждетъ только церемоніи открытія. Рѣшеніе муниципалитета Трегье вы-

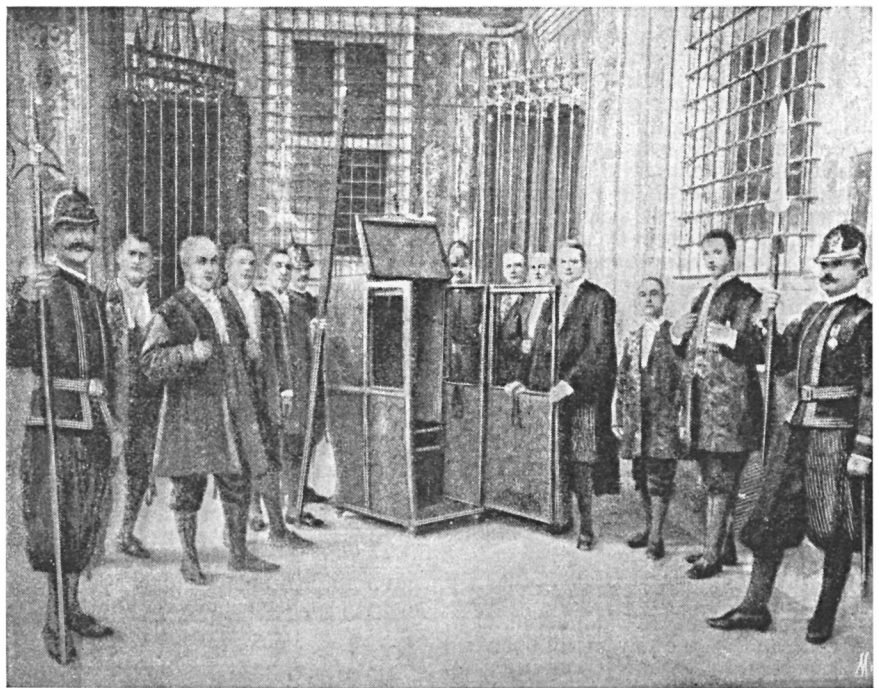
звало сильные протесты какъ съ мѣстномъ населеніемъ, такъ и со стороны всего духовенства Бретани и части печати. Мѣстный епископъ задумалъ соорудить со своей стороны напротивъ памятника Ренана искупительную часовню и открылъ для этого подписку, которая дала нужную сумму. Кромѣ того, набожные люди заявили, что считаютъ своей обязанностью помѣшать торжеству открытія памятника и что они, при первой возможности, развѣ только при немъ будетъ постоянно находиться на стражѣ рота солдатъ. Всѣ эти толки, протесты и угрозы побудили министра-президента Комба лично озаботиться о томъ, чтобы церемонія открытія памятника Ренану была новымъ торжествомъ правительственной политики.

* * *

Совсѣмъ иначе относится нынѣшнее правительство къ сооружаемому на востокѣ, близъ нѣмецкой границы, въ городѣ Вузье, памятнику Тѣну. Эго гъ гениальный писатель, философъ, историкъ и критикъ принадлежитъ, безспорно, французской демократіи. Но во главѣ инициаторовъ памятника находятся писатели Поль Бурже и Морисъ Барресъ, изъ которыхъ первый, какъ извѣстно, публично обратился въ роялизмъ и клерикализмъ, а второй еще недавно ратоборствовалъ среди самыхъ буйныхъ націоналистовъ. Ихъ присутствіе лишило комитетъ памятника содѣйствія не только официального міра, но и многихъ частныхъ лицъ съ именемъ и положеніемъ.

* * *

Рядомъ съ Бурже и Барресомъ въ комитетъ памятника Тѣну состоитъ Ганото. Бывшій министръ иностранныхъ дѣлъ радъ фигурировать въ качествѣ литератора вмѣстѣ съ настоящими писателями. Онъ время отъ времени выпускаетъ книги. Занимается онъ преимущественно вопросами исторіи и современной политики. На-дняхъ онъ выпустилъ книгу подъ заглавіемъ „Paix Latine“, въ которой трактуетъ о возможности особаго союза между народами латинской культуры, въ число которыхъ онъ включаетъ не только Бельгію, Швейцарію и Румынію, но и всѣ южно и среднеамериканскія республики и даже негритинскія

Къ избранію папы Пія X. — Носилки въ ожиданіи папы для торжественнаго слѣдованія въ соборъ св. Петра.

Ст. сов. Александръ Аркадьевичъ
Ростковскій,
россійскій консулъ въ Битоліи, убитый 26-го іюля.

республики Гаити и Санъ-Доминго. Полетъ мыслі широкій, но бывшему государственному дѣятелю какъ будто и не къ лицу предаваться такимъ несбыточнымъ мечтаніямъ. Бельгія тяготеетъ скорѣ къ Германіи, латинизмъ Румыніи небольшокакъ блажь молдаво-валашскихъ патриотовъ, а Америка—для американцевъ. И чѣмъ думать о распространеніи фран-

цузскаго вліянія на чужихъ Антильскихъ островахъ, лучше помириться съ тѣмъ фактомъ, что силою вещей даже находящіяся еще во французскомъ владѣніи Мартиника и Гваделупа входятъ все больше въ орбиту Соединенныхъ Штатовъ.

* *

Впрочемъ, имѣется * другой бывший государственный дѣятель, который вполне раздѣляетъ виды г. Ганото на негровъ острова Гаити. Это — бывший дипломатическій представитель въ Парижѣ республики Гаити— г. Массильонъ-Куаку. Подобно Ганото, онъ посвящаетъ свои досуги литературнымъ занятіямъ, преимущественно поэзіи. Черная кожа и экзотическое воспитаніе не помѣшали ему проявить замѣчательный поэтический талантъ, и выпущенные имъ сборники стихотвореній на изящномъ французскомъ языкѣ, безъ малѣйшихъ „варваризмовъ“, вызвали лестные отзывы парижскихъ критиковъ и поэтовъ-академиковъ Сюлли-Прудома, Франсуа Коппе и Эредіа. Онъ занимается также публицистикой, печатая статьи въ журналахъ, а также выпуская отдѣльныя брошюры въ защиту своихъ соплеменниковъ-негровъ. По поводу книги Ганото, Куаку написалъ статью, въ которой утверждаетъ, что всѣ американскіе негры, угнетаемые янки, ждутъ правдивой помощи отъ Франціи и готовы служить проводниками французскаго вліянія въ Новомъ свѣтѣ; они-де сила будущаго, съ которой горделивымъ янки придется рано или поздно считаться. Подобно тому, какъ французы въ концѣ XVIII столѣтія помогли американцамъ освободиться отъ англичанъ, такъ они и теперь, въ началѣ XX вѣка, должны были бы помочь неграмъ освободиться изъ-подъ гнета американцевъ. Этотъ Куаку вооб-

Елизавета Васильевна Ростковская,
урожденная княжна Давижа, супруга убитаго
консула

ще довольно замѣчательный человекъ. Онъ задался задачей служить въ Европѣ представителемъ и защитникомъ всей негрятяской расы. Въ сотрудничествѣ съ учащимися въ парижскомъ университетѣ студентами съ острова Мартиники, онъ издаетъ газету „Fraternité“ („Братство“), въ которой клеймитъ

Входъ изъ Чернаго моря въ Босфоръ.

поведеніе янки и подхватывает все, что говорится въ европейской прессѣ относительно негровъ. Онъ защищаетъ не только американскихъ негровъ, но и африканскихъ. Въ настоящее время онъ собирается устроить публичный диспутъ, на который онъ пригласилъ французскаго журналиста Нодо, печатающаго въ „Journal“ статьи въ оправданіе поведенія янки по отношенію къ неграмъ. Говорятъ, что Куаку обладаетъ также талантомъ оратора и что онъ умѣетъ „плэдиловать“ не хуже заправскаго адвоката. Онъ способенъ поэтому своимъ диспутомъ о качествахъ и недостаткахъ негровъ заинтересовать французскую публику.

* * *

Этотъ чернокожій поэтъ и публицистъ особенно сильно протестуетъ противъ распространенія во Франціи „cake-walk“ (шпрочно-го танца); его возмущаетъ мысль, что по этой пляскѣ, достойной обезьянъ, европейская публика составляетъ себѣ понятіе о вкусахъ и манерахъ американскихъ негровъ. „У насъ, — говоритъ онъ, — есть граціозныя танцы, не уступающіе самымъ изящнымъ французскимъ танцамъ и есть увлекательно-мелодичныя пѣсни, музыка которыхъ часто заимствуется европейскими композиторами, въ особенности англійскими; мы не дикари: во многихъ мѣстностяхъ Соединенныхъ Штатовъ черное населеніе развитѣе и способнѣе своихъ бѣлокожихъ согражданъ“. „Если приемотрѣться, — утверждаетъ защитникъ чернокожихъ, — то у негровъ нашлось бы немало, чего позаимствовать для бѣлыхъ, но имъ очень обидно, что переимать у нихъ рѣшаются только такое безобразіе, какъ „cake-walk“.

Въ этомъ мѣтвѣи о грубой негританской пляскѣ чернокожій публицистъ вполне сходится съ французскими учителями танцевъ, синдикатъ которыхъ рѣшился во чтобы то ни стало, искоренить „cake-walk“ изъ парижскихъ салоновъ. Делегатъ этого синдиката былъ нед вно на междунарономъ конгрессѣ учителей танцевъ, который состоялся въ нѣмецкомъ городѣ Вилефельдѣ, и здѣсь предложилъ, въ интересахъ искусства, уступить духу времени и ввести новыя танцы, не дожидаясь, чтобы публика нашла въ какой-либо новой экзотической пляскѣ у цирковыхъ акробатовъ, какъ это случилось съ „cake-walk“. Французскіе танцевальщицы признаютъ, что ушлихъ негританской пляски объясняется склонностью современной молодежи, избалованной спортивными упражненіями, къ менѣе мягкимъ, плавнымъ и гармоничнымъ жестамъ и манерамъ; они поэтому нашли и „усовершенствовали“ нѣкоторыя и вые танцы, въ которыхъ допускается „немного фантазіи“, т. е. „стебятинъ“, со стороны танцующихъ, и въ которыхъ возможны болѣе или менѣе рѣзкія тѣлодвиженія, смотря по темпераменту исполнителей, а также смотря по общему настроенію даннаго момента. Это предложеніе вмѣстѣ съ краснорѣчивыми мотивами французскаго делегата было принято на конгрессѣ, и въ будущемъ сезонѣ во многихъ свѣтскихъ садовыхъ начнется культивированіе новыхъ танцевъ, болѣе соответствующихъ духу времени. Въ списокъ новыхъ танцевъ значатся „на финляндскихъ копыкобѣжцевъ“ и „la Rousskaia“. Что это будетъ за русскій танецъ во французской обработкѣ, — пока неизвѣстно. Интересно будетъ, во всякомъ случаѣ, посмотреть на него, особенно если эта вариация будетъ съ „присядкой“. Но для дамъ это, можетъ быть, будетъ труднѣе исполнить, чѣмъ „cake-walk“.

Парижъ,
въ августѣ 1903 г. *Е. Дмитриевъ.*

Русскіе типы.

Беллетристъ

Вѣчно юнъ. Роскошная шевелюра. Еще болѣе роскошная борода. Изысканные туалеты. Тонкій ароматъ духовъ. Веселый, обходительный, элегантнй. Европейецъ до мозга костей.

Василій Ивановичъ Немировичъ-Данченко. Большой любимецъ музъ на Олимпѣ и музъ на землѣ. Истинъ баловень судьбы. Оцѣненный при жизни и при жизни поставленный современниками на очень высокой пьедесталь.

Три четверти года пребываетъ за границей, одну четверть въ Петербургѣ. За эту четверть года онъ особенно въ модѣ. Его ищутъ, за нимъ ухаживаютъ какъ то особенно сильно, особенно ласково.

Эта четверть года: октябрь—декабрь.

Романомъ Василія Ивановича принято начитывать всякое литературное изданіе. Это уже такъ, по традиціи. Какъ-то журналъ не въ журналъ, если тамъ, въ качествѣ „принимающаго участіе“, не фигурируетъ имя Вас. Немировича-Данченка.

И Немировичъ-Данченко пишетъ. При всей его работоспособности, у него нѣтъ возможности писать для всѣхъ романы. Онъ пишетъ и повѣсти, промамы, описываетъ путешествія, сообщаетъ свои воспоминанія.

Все это ищется издателями, ибо все это красивое, колоритное, интересное, заносомъ читается всѣми читателями.

Когда Василій Ивановичъ находится въ Петербургѣ, его можно, почти ежедневно, видѣть за завтракомъ у Кюба и за обѣдомъ у Донона.

Здѣсь собираются многіе изъ причастныхъ къ литературѣ: В. Г. Австенко, А. П. Плещеевъ, В. М. Дорошевичъ—когда нашъ юмористъ бываетъ въ Петербургѣ — и многіе другіе.

Василій Ивановичъ почти ничего не пьетъ. Не отказывается только отъ бокала шампанскаго, да и то не всегда. Зато рассказываетъ. Рассказываетъ красиво, образно, увлекательно.

Какъ-то разъ у одного изъ завтракающихъ въ рукахъ былъ красивый, свѣжій цвѣтокъ, но совсѣмъ безъ запаха.

— Какой это цвѣтокъ?—спрашиваетъ Немировичъ, поднося цвѣтокъ къ носу.

— Анемонъ.

— Какъ анемонъ? Анемонъ пахнетъ, а этотъ цвѣтокъ совсѣмъ безъ запаха...

— Анемонъ никогда не пахнетъ.

— Вотъ тебѣ на! А у меня въ одномъ стихотвореніи сказано: „и анемонъ, благоухающій“...

Всѣ дружно расхохотались и попавшійся поэтъ сильнѣе всѣхъ.

Наврядъ-ли можно встрѣтить кого-нибудь болѣе легкаго на подъемъ, чѣмъ авторъ „Соловоекъ“, „Годы войны“ и т. д.

Уславливается онъ за завтракомъ встрѣтиться за обѣдомъ у Донона. Къ обѣду не является; на слѣдующій день его не видно ни за завтракомъ, ни за обѣдомъ. Бѣдутъ къ нему на квартиру.

— Баринъ дома?

— Никакъ нѣтъ. Они вчера въ Бразилію уѣхали.

Однажды былъ такой случай. Купилъ онъ корзину цвѣтовъ для знакомой этуали и зашелъ „на минутку“ въ магазинъ Суворина. Узнаеть, что въ Испаніи волненіе. Онъ проситъ Ѳ. И. Кононова побережь нѣсколько времени его корзину, а самъ ѣдетъ „на минутку“ въ редакцію. Пришло время закрыть магазинъ,—Немировича нѣтъ. Корзина простояла 2 недѣли и завяла. Оказалось, Василій Ивановичъ забылъ про этуаль и прямымъ пу-

темъ, въ тотъ же день уѣхалъ на полгода въ Испанію. Благо, заграничный паспортъ у него въ карманѣ.

Говорятъ, что женщины столько лѣтъ, сколько ей кажется на видъ. Сколько же лѣтъ можно дать Немировичу? И онъ на самомъ дѣлѣ, молодъ душой.

Гуляетъ онъ какъ-то по Невскому. Впереди нѣсколько студентовъ съ жаромъ спорять о... „винтѣ“. Спорять и захлебываются. „Винтили“ они на именнахъ, гдѣ было много очень хорошенкихъ барышень. Барышнямъ было скучно. Они затѣвали танцы да неудачно. Молодежь, какъ пришла, такъ и ушла за винтъ.

Немировичъ быстро подходитъ къ молодымъ людямъ и, со словами: „благодарю, благодарю, васъ“, — крѣпко пожимаетъ имъ руки.

Молодежь встала, было, на дыбы, но, услышавъ фамилію, спросила о причинѣ такой необычайной и странной благодарности.

— Причина?—говоритъ знаменитый беллетристъ.—Причина та, что пока у насъ есть такая молодежь, какъ вы, мы, старика, не теряемъ престижа у дамъ...

Прометей.

Кое-что о Лизъ X.

По словамъ римскихъ газетъ, папа Пій X приказалъ подавать ему всѣ входящія въ Римѣ газеты. Его веселый и добродушный юморъ возбуждаетъ во всѣхъ радостное настроеніе. Онъ очень свѣжъ и подвиженъ и носилки Льва XIII приказалъ отправить въ складъ. Онъ ходитъ всегда пѣшкомъ.

Новый папа часто выражаетъ сожалѣніе, что не увидитъ больше Венеціи. Онъ ежедневно посѣщаетъ большого кардинала Герреро.

Папа уже далъ себя сфотографировать. На всѣхъ аудіенціяхъ онъ въ прекрасномъ расположеніи духа. Геррери онъ сказалъ на дняхъ:

— Лоренцо, приходи почаще, чтобы я могъ поговорить по венеціански.

Оберъ-гофмейстеру Пуччинелли, склонившему передъ нимъ колѣна, папа сказалъ:

— Ну, съ вашимъ брюшкомъ это совсѣмъ неудобное положеніе, — и запретилъ ему это дѣлать.

Вѣрный слуга своего господина.

Первый камердинеръ Льва XIII, Чентра, покидаетъ Ватиканъ. Многіе кардиналы пытались уговорить преданнаго Ватикану Чентра остаться, но онъ твердо стоялъ на своемъ рѣшеніи.

— Я не могъ бы, — сказалъ онъ, — такъ же хорошо служить моему второму господину, какъ первому. А если бы я даже и могъ, я бы постоянно упрекалъ себя, за чѣмъ я покойному папѣ не выказывалъ еще большей преданности.

Чентра вмѣстѣ со своей семьей возвращается въ Карпинетто.

Забавная исторія.

Въ Монако недавно праздновали день рожденія монаскаго князя Альберта. По программѣ въ этотъ день долженъ былъ состояться въ театрѣ парадный спектакль въ присутствіи князя. Въ первомъ же антрактѣ князь долженъ былъ выслушать торжественный концертъ двухъ соединенныхъ пѣвческихъ

обществъ. Первый номеръ концерта состоялъ изъ національнаго гимна, начинавшагося такими словами: „Это нашъ дорогой князь, нашъ властитель Альбертъ!“

Торжественный спектакль начался. Князь милостиво кланялся изъ своей ложи многочисленной публикѣ и пѣвческимъ обществамъ съ ихъ дирижеромъ, занявшимъ мѣсто въ оркестрѣ.

Передъ началомъ пѣнія итальянскій трагикъ Гвидо Контанелли прочелъ монологъ, заканчивающійся слѣдующимъ вопросомъ: „Все благородное должно погибнуть, весь миръ кишитъ разбойниками и убійцами! А кто величайшій изъ разбойниковъ?“

Артистъ прочелъ этотъ монологъ съ удивительнымъ жаромъ и съ замѣчательной силой выкрикнулъ послѣднія слова монолога: „Кто величайшій изъ разбойниковъ?“ Въ этотъ самый моментъ дирижеръ пѣвческой капеллы, думая, что насталъ моментъ пѣнія торжественнаго гимна, поднялъ свою палочку и изъ сорока здоровыхъ грудей раздались могучій возгласъ:

„Это нашъ дорогой князь, нашъ властитель Альбертъ! Si non e vero...“

На балу вдовъ.

Здѣсь нѣтъ ничего мрачнаго или грустнаго, какъ это можно было бы предположить съ перваго взгляда. Наоборотъ, все это очень весело и просто.

Берлинскіе „Wittwenverein“ (общества вдовъ) очень многочисленны и разнообразны и проникнуты тяжеловѣснымъ нѣмецкимъ юморомъ. Нѣмецкія общества вдовъ въ большинствѣ случаевъ носятъ очень поэтическія названія въ родѣ „Лорелей“, но есть и очень простые названія, какъ, напримѣръ: „Нѣмецко-Американо-Американское“.

Въ общество это вступаютъ одинокія женщины, собирающіяся вмѣстѣ съ цѣлью веселыхъ развлеченій: лѣтнія и увеселительныя поѣздки, пикники, общіе обѣды зимою, сопровождаемые неизмѣнными пересудами. Въ большихъ городахъ люди трудно сходятся между собою, трудно знакомятся, особенно среди пришлога трудового элемента. Мужчинъ все это устранило, конечно, гораздо легче, но представьте себѣ женщину, овдовѣвшую вскорѣ послѣ переселенія въ столицу; никакихъ связей, никакихъ друзей,—полное одиночество. Вотъ, такимъ то женщинамъ, когда уляжется первая острота горя, оказываетъ неоцѣненную услугу „Wittwenverein“.

Чтобы имѣть возможность понаблюдать нравы вблизи, я отправился „на балъ вдовъ“.

Старинный домъ въ старинномъ центральномъ кварталѣ. Шпрее катитъ свои грязноватая волны въ двухъ шагахъ отъ длиннаго, стариннаго зданія голландской архитектуры. Винтообразная лѣстница, на площадкѣ швейцаръ въ фюржжѣ съ галуномъ. Доносится ритмическіе звуки рояля и скрипки. Балъ вдовъ въ полномъ разгарѣ; дюжина паръ мѣрно движется подъ музыку, обмѣниваясь реверансами. Это „schlittschuhläufertanz“ или „danse de ratineurs“. Присматриваюсь къ танцующимъ—рабочарованіе:—ни молодыхъ, ни хорошихъ. Что танцующія здѣсь дамы болѣе зрѣлаго возраста, чѣмъ на обыкновенныхъ балахъ,—это понятно. Раньше, чѣмъ попасть въ это общество, онѣ должны были подвергнуться одной формальности, которая всетаки требуетъ времени. Вѣдь, по желанію овдовѣть довольно трудно; но отчего же онѣ всѣ такъ дурны? Ужъ не ошибся-ли я этажемъ, точно-ли я на балу у вдовъ? За

справками я обращаюсь къ полной дамѣ, увѣ, лѣтъ пятидесяти, на груди у которой красуется красный значекъ съ надписью „предсѣдательница“.

— Скажите мнѣ, пожалуйста, — началъ я—какая цѣль этого общества?

— Веселиться—какъ вы вид т.—отвѣчала почтенная матрона,—въ Берлинѣ много подобныхъ обществъ; цѣль вездѣ одна и та же: вечера, концерты, катанья на лодкахъ, однимъ словомъ, приличныя развлеченія, на которыхъ можно приобрести друзей и знакомыхъ.

— Въ виду вторичнаго замужества?

— Отчего-же и нѣтъ, даже въ виду и перваго замужества.

— Какъ, развѣ вдовство не обязательное условіе для вступленія въ ваше общество?

— Для вступленія въ общество—да, но не для баловъ и другихъ развлеченій, на которыя можно привозить родственниковъ и друзей.

Въ эту минуту за сосѣднимъ столомъ одинъ молодой человѣкъ, затаивъ какую-то патріотическую пѣсню, обнялъ талию своей сосѣдки, которая не особенно защищалась, хотя по опыту должна-бы знать грозившую опасность.

— „Kinder, ruhig bleiben!“ (дѣти, успокойтесь!) — сказала предсѣдательница властнымъ, но матерински снисходительнымъ тономъ. Дѣти успокоились.

— Приходится вамъ когда нибудь выводить изъ зала лицъ, нарушающихъ порядокъ?

— Очень рѣдко, но случается; если какая нибудь дама ведетъ себя неприлично, то я ее прошу выйти, во избѣжаніе скандала, если-же мужчина,—я приказываю служителямъ его вывести.

— Я пораженъ порядкомъ и спокойствіемъ собранія. Но мужчины гораздо моложе, чѣмъ большинство женщинъ, отчего это, кто они?

— Это не вдовцы. Это мирные молодые люди, которые желаютъ прилично повеселиться, избѣгая дурнаго общества, опаснаго для холостяковъ. Это люди разныхъ профессій: приказчики, конторщики, мастеровые, однимъ словомъ, также, какъ и эти дамы.

— Теперь я вижу ясно, что балы вдовъ въ Берлинѣ не представляютъ банальнаго мѣста свиданій подъ предлогомъ танцевъ, но, несмотря на вашу бдительность, развѣ не можетъ случиться, что увлеченіе, случайность увлекутъ одну изъ этихъ дамъ, „въ страну нѣжнаго“ или на какія-нибудь временныя концессіи, если можно выразиться...?

— Ахъ,—спокойно отвѣчала предсѣдательница: „dies Abenteuer ist nicht ausgeschlossen“ (подобные случаи возможны).

Смерть папы Льва XIII въ кинематографахъ.

Кинематографическая фабрика въ Лондонѣ задалась цѣлью поддѣлывать выдающіяся событія и выдавать доверчивой публикѣ за снимки съ истинныхъ событий. Сотрудникъ „Frankfurter Zeitung“ рассказываетъ, какъ на дняхъ въ Майнцѣ онъ пошелъ на званіе одного владѣльца кинематографа, приглашавшаго „почтенную публику“ посмотреть на „смертные часы папы“. Журналисту хотѣлось убѣдиться собственными глазами въ искусство майнцкой поддѣлки.

Такъ какъ всѣ газеты были полны этими событіями, то публики набралась масса. Всякій сгоралъ нетерпѣніемъ увидѣть собственными глазами такое историческое событіе. Когда аппаратъ былъ

приведенъ въ дѣйствіе, сперва показала передняя папы, черезъ двери которой, изъ-за откинутыхъ портьеръ, виднѣлась его кровать. Судя по газетнымъ извѣстіямъ, Левъ XIII передъ самой смертью былъ уже совершенно безъ силъ. Тотъ-же, который лежалъ на этой кровати, долженъ былъ, повидимому, обладать очень значительными силами, чтобы выносить на себѣ эти тяжелыя, золотомъ зашитыя папскія облаченія, огромный, тяжелый крестъ, висѣвшій у него на шеѣ на цѣпи, въ нѣсколько сантиметровъ толщиной. На головѣ у него была тиара, имѣвшая болѣе схода съ тиарой Сайтаферна, чѣмъ съ папскою тиарой. Вокругъ этого наряженнаго человѣка возлились трое человѣкъ во фракахъ, повидимому, врачи. Они поддерживали верхній корпусъ больного, котораго, повидимому, душила сильный кашель, такъ-что огромная митра его качалась во всѣ стороны. Вдругъ большой упалъ неизвѣстно съ чего и закрылъ глаза.

Въ передней между тѣмъ разыгрывались удивительныя вещи. Нѣсколько господъ въ священническомъ одѣянн, вмѣстѣ съ нѣсколькими лицами въ фантастическихъ мундирахъ, махали салфетками и полотенцами передъ своими лицами. Другіе, казалось, несли чего-то на полу, то ползали по полу, но дѣлали это очень неуклюже, такъ какъ глаза у нихъ при этомъ были закрыты. Вдругъ вошелъ зачѣмъ-то какой-то субъектъ съ огромной скатертью и закрылъ ею лежащаго на постели. Но другой сдернулъ покрывало, схватилъ большой кузнечный молотъ и три раза хватилъ имъ по головѣ умершаго, которую, разумѣется, онъ бы разможилъ, если-бы могучая тиара ее не предохранила. Въ передней же продолжалась усердная игра съ полотенцами и салфетками, сопровождаемая невозможными гримасами и дикими жестами, закончившаяся тѣмъ, что всѣ присутствующіе, должно быть, вслѣдствіе землетрясенія, попадали на землю.

Такъ умираетъ Левъ XIII въ майнцкомъ кинематографѣ.

ГАРДЕРОБЪ ЛУКРЕЦІИ БОРГІИ.

Итальянскій изслѣдователь Лука Бельтрамъ нашелъ въ архивахъ Модены полный инвентарь гардероба знаменитой Лукреціи. Въ ея сундукахъ найдено пятнадцать платевъ изъ бродата, бархата, шелка и т. п. Изъ числѣ безчисленныхъ верхнихъ одеждъ находятся два манто; одно шелковое, подбитое горностаемъ и вышитое 54 рубинами, 29 алмазами и 115 жемчугами, другое—кармазинное шелковое, подбитое тоже горностаемъ и вышитое 61 рубиномъ, 55 алмазами, 5 большими жемчужинами, 412 средними жемчужинами и 114-ю маленькими. Бѣлье не менѣе роскошно: между прочимъ, 200 сорочекъ, изъ которыхъ каждая стоитъ не менѣе 100 дукатовъ.

Девятилѣтняя невеста.

Изъ Греціи сообщаютъ въ нѣмецкія газеты:

Въ кварталѣ Пентри въ Афинахъ недавно было страшное волненіе; выдавали замужъ девятилѣтнюю дѣвочку за 25-лѣтняго мужчину. Дѣвочка съ достоинствомъ сидѣла на стулѣ въ подвѣчномъ вуалѣ и флеръд'оранжѣ въ ожиданіи прихода жениха и священника. Но священникъ безъ разрѣшенія митрополита вѣнчать отказался. Тогда отправились къ самому митрополиту, который вѣнчать разрѣшилъ, но посоветовалъ обрядъ этотъ совершить ночью. Такъ и сдѣлали, и девятилѣтній ребенокъ пре-

вратился въ замужнюю женщину. Хотя на югъ созрѣваютъ рано, но о замужествѣ девятилѣтнихъ дѣтей приходится слышать въ первый разъ.

Какъ женился Уистлеръ.

Лабушеръ рассказываетъ въ „Truth“, какъ женился покойный англійскій художникъ Джэмсъ Уистлеръ, съ которымъ Лабушеръ былъ друженъ.

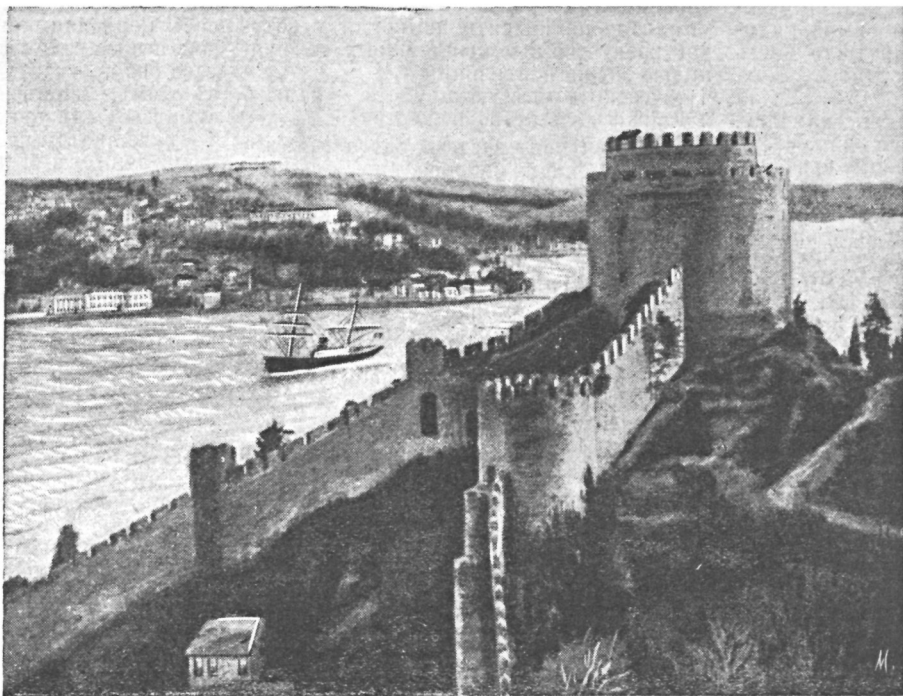
„Я думаю, — говоритъ онъ, — что я въ некоторомъ родѣ виноватъ въ женитьбѣ моего друга на вдовѣ архитектора Годвина. Она была необыкновенно красивая и обаятельная женщина. Какъ то я обѣдалъ съ ними въ Чарльзъ-Куртъ. По-

видимому, они очень симпатизировали другъ другу, но ни у одного не хватало мужества повѣдать другому свои чувства.

— Джэми, — спросилъ я вдругъ моего пріятеля, — ты хочешь жениться на мистрисъ Годвинъ?

— Конечно! — отвѣчалъ онъ.

— Мистрисъ Годвинъ, — спросилъ я ее, — хотите выйти замужъ за Джэми?

Фортъ, защищающій входъ изъ Чернаго моря въ Босфоръ.

— Охотно, — сказала она.

Тогда я обратился опять къ Уистлеру: Когда ты вѣчаешься?

— Какъ-нибудь на недѣль.

— Я хочу знать опредѣленный день.

Уистлеръ и мистрисъ Годвинъ поручили мнѣ назначить день, выбрать церковь и доставить свидѣтелей. Я все сдѣлалъ, какъ мнѣ хотѣлось. Послѣ вѣча-

нія мы отправились въ мастерскую моего друга. Тамъ былъ накрытъ столъ, но стужевъ у него не было, и мы должны были сидѣть на старыхъ подушкахъ.

Новобрачные, казалось, были очень счастливы, но когда я ихъ оставилъ, они все еще не рѣшили, поѣдутъ-ли они въ тотъ-же вечеръ въ Парижъ или останутся въ мастерской. До чего они оба были непрактичны, я увидѣлъ изъ встрѣчи съ невѣстой наканунѣ свадьбы.

— Не забудьте завтрашній день, — сказала я мистрисъ Годвинъ.

— О нѣтъ! былъ ей отвѣтъ. — Я какъ разъ собираюсь заняться моимъ приданымъ.

— Мнѣ кажется, что ужъ сегодня немножко поздно, — замѣтилъ я.

— Онѣтъ! — сказала улыбаясь мистрисъ Годвинъ — я куплю только зубную щетку и губку — двѣ вещи, которые всегда покупаютъ передъ свадьбой.

Супруги искренно любили другъ друга, и когда мистрисъ Уистлеръ умерла, мой другъ глубоко страдалъ и никогда не оправился отъ этой потери.

Национальный спортъ въ Китаѣ. — Бой пчель.

Съ рисунка Кастелья, авторитія „Биржевыхъ Вѣдомостей“.